

О СЕМАНТИКЕ ИНФИНИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОСТАВЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ПРИДАТОЧНЫХ СЛЕДСТВИЯ (ᾠστε...)

Алексей Михайлович Белов

*Доктор филологических наук, доцент кафедры общего
и сравнительно-исторического языкознания МГУ им. М. В. Ломоносова,
профессор СДА (Россия)
indogermanica@yandex.ru.*

DOI: 10.55398/27826066_2024_4_12_153

Аннотация. В статье рассматривается один известный своей трудностью случай древнегреческого синтаксиса — оформление придаточного следствия (и некоторых других типов) не личной формой глагола, но через инфинитивную конструкцию. Этот случай рассматривается в сопоставлении с рядом других сходных оборотов, как в греческом, так и в русском языке. Предлагается интуитивно понятное решение в терминах *события* и *факта реальности*, сформулированы некоторые сходства и различия между греческим и русским синтаксисом подобных конструкций.

Ключевые слова: Древнегреческий язык, синтаксис, синтаксическая семантика, придаточные следствия, инфинитив, *accusativus cum infinitivo*.

Для цитирования: Белов А. М. О семантике инфинитивных конструкций в составе древнегреческих придаточных следствия (ᾠστε...) // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2024. № 4 (12). С. 153–163. DOI: 10.55398/27826066_2024_4_12_153

ON THE SEMANTICS OF INFINITIVE CONSTRUCTIONS IN THE COMPOSITION OF ANCIENT GREEK SUBORDINATE CLAUSES OF CONSEQUENCE (ὥστε...)

Aleksei Mikhailovich Belov

*ScD in Philology, Associate Professor of the Department of General
and Comparative-Historical Linguistics of the Lomonosov Moscow State University,
Professor of the Sretensky Theological Academy (Russia)*
indogermanica@yandex.ru

DOI: 10.55398/27826066_2024_4_12_153

Abstract. The article discusses one case of ancient Greek syntax known for its difficulty — the formation of a subordinate clause of consequence (and some other types) not by the finite verb form, but with an infinitive construction. This case is considered in comparison with a number of other similar ones, both in Greek and in Russian. An intuitive solution is proposed in terms of a semantic *event* and a *fact* of reality, some similarities and differences between the Greek and Russian syntax of such constructions are formulated.

Keywords: Ancient Greek language, syntax, syntactic semantics, subordinate of consequence, infinitive, accusativus cum infinitivo.

For citation: *Belov A. M.* On the semantics of infinitive constructions in the composition of ancient Greek subordinate clauses of consequence (ὥστε...) // *Sretensky Word*. Moscow : Sretensky Theological Academy Publ., 2024. No 4 (12). Pp. 153–163. DOI: 10.55398/27826066_2024_4_12_153

Одной из по-настоящему важных для понимания древнегреческих текстов и одновременно трудных в преподавании проблем греческого языка оказываются его инфинитивные конструкции: это всем известные «аккузатив с инфинитивом», «номинатив с инфинитивом», чистый (однореферентный) инфинитив в его многочисленных функциях и целый ряд смежных сюжетов. Инфинитивные конструкции в греческом не просто применяются очень широко как в прямой речи, так и в косвенной;

в очень многих случаях инфинитивные конструкции (клаузы) конкурируют с финитными (т. е. выраженными личными формами глагола), передавая при этом близкие или сходные смыслы, различия между которыми весьма трудно понять и сформулировать. А между тем ясное понимание семантики того или иного придаточного может содержать очень существенные различия: например, идет ли речь о факте реальности или всего лишь о гипотетическом случае, что может иметь значительные последствия для исторического или богословского истолкования исследуемого текста.

Одним из самых проблемных случаев в греческом языке такого рода оказывается употребление инфинитивных конструкций в придаточных предложениях следствия (обыкновенно вводимых союзом ὥστε 'так что') и временных придаточных с πρὶν ('прежде чем'). И в том и в другом случае придаточные могут быть оформлены как финитным глаголом, так и инфинитивной конструкцией.

(1) *Οἱ στρατιῶται κραυγὴν πολλὴν ἐποίουν, ὥστε καὶ τοὺς πολεμίους ἀκούειν ὥστε οἱ ἐγγύτατα τῶν πολεμίων καὶ ἔφυγον ἐκ τῶν σκηνομάτων* (Хеп. Анаб. II, 2, 17) «Солдаты производили громкий крик... так что и неприятели слышали; поэтому ближайшие из числа неприятелей даже убежали из палаток» (пер. С. И. Соболевского [Соболевский 2000: 315]).

Этот классический пример, кочующий в разных вариантах из учебника в учебник, замечателен тем, что в нем мы имеем фактически два однородных придаточных следствия, одно из которых (первое) оформлено инфинитивным оборотом, а второе — личным глаголом.

При этом разница в семантике между этими двумя случаями традиционно объясняется недостаточно¹. Самое стандартное решение, которое мне чаще всего приходилось слышать от преподавателей, объяснявших эту тему, формулируется примерно так: придаточное следствие оформляется личным глаголом по общим правилам, однако в случае, если связь между главным и придаточным оказывается «тесной», ставится инфинитивный оборот. Нечто подобное мы находим и в указанном месте учебника С. И. Соболевского: «здесь в первом предложении следствия поставлен infinitivus ἀκούειν, а во втором indicativus ἔφυγον, потому что логически оно

¹ Или не объясняется вовсе. Например, в книге [Мейчен 1994: 160] говорится только о том, что инфинитивная конструкция при ὥστε «заменяет придаточное предложение». Приводится пример (4) *καὶ ἐθεράπευσεν αὐτοὺς ὥστε τὸν ὄχλον θαυμάσαι* (Мф. 15: 30–31) — «Он исцелил их, так что толпа удивилась».

более самостоятельно, чем первое». Эта самостоятельность подчеркивается, по-видимому, и пунктуационным знаком семиколона перед вторым придаточным. При этом никаких подробных разъяснений относительно того, что считать логической самостоятельностью, не дается.

Чуть более подробно этот вопрос разъясняется у М. Н. Славятинской [Славятинская 2022: 219]: «Если следствие представляется основным смыслом высказывания и неразрывно связано с тем действием, о последствиях которого идет речь, употребляется инфинитивная конструкция... или субъектный инфинитив, уточняемый тем же союзом». Приводится тот же пример, но в сокращенном виде, без второй части.

В учебнике А. Ч. Козаржевского [Козаржевский 2004: 146–147] следствие разделяется на 1) «фактическое», которое оформляется финитным глаголом, 2) «предполагаемое или преднамеренное», которое передается инфинитивом, и 3) «возможное и нереальное», выражаемое сочетанием частицы ἄν как с финитными, так и с инфинитивными формами. Примечателен пример к случаю 2: οὐκ ἔχομεν ἀγύριον ὥστε ἀγοράζειν τὰ ἐπιτήδεια (2) — «у нас нет денег, чтобы купить провиант», где значение союза ὥστε тонко передается русским неследственным *чтобы*.

Самое подробное изложение из всех традиционных учебников мы находим в «Синтаксисе...» Эмиля Черного [Черный 1888: 242–247]; и хотя эта книга старейшая из всех перечисленных выше, интересующий нас вопрос изложен в ней, пожалуй, с наибольшей ясностью и, как ни странно, оригинальностью.

Во-первых, именно инфинитив и его конструкции рассматриваются как первое средство выражения следствия, тогда как финитные формы ставятся на втором месте.

Во-вторых, формулируется такая дихотомия: 1) инфинитивом «означается умышленное (преднамеренное) следствие, т. е. следствие вместе с целью, как и по-русски с неопред. накл.»; на это приводится аналог из Крылова: «не будем же вперед такие дуры, чтоб почитать орлов знатнее нас» (3). Далее первая часть мысли продолжается: «... или следствие представляется существующим только в мысли (возможным), или вытекающим из свойств упом. предмета или всего содержания главн. предложения»². Однако 2) инди-

² Это иллюстрируется также и ниже (с. 244 в сноске), где приводится другой русский пример (5): «Рвались такие канаты, что насили (= едва) человеку обхватить двумя руками».

катив используется тогда, «когда следствие представляется как (исторический) факт³ <...> и имеет значение самостоятельного предложения».

Именно в этой связи справедливо трактуется различие в семантике двух придаточных из примера (1) выше: «солдаты <...> производили большой шум так, чтобы (для того, чтобы) слышали — или: так, что(бы) могли слышать — его и неприятели; вследствие этого (соб. так что) ближайшие из неприятелей убежали (факт; — стало быть, услышали шум)».

В-третьих, различие в функционале этих двух видов придаточных Э. Черный связывает с различием в функционировании индикатива и инфинитива в целом: если, как бы мы сейчас выразились, инвариантным значением индикатива оказывается передача некоего факта, то инфинитив, как правило, склонен передавать не факт реальности, но некое ее осмысление. Этому в тексте Э. Черного находится еще один хороший русский пример, перекликающийся с таковым у Козаржевского: (6) «Он не мог найти средств платить за обучение (столько средств <...> чтобы, или: для того, чтобы...», где Э. Черный подчеркивает, что инфинитив употребляется самостоятельно, без дополнительных средств.

Таким образом, оппозиция «факт ~ не-факт», сформулированная Черным, заслуживает большого внимания, как и выведение семантики придаточных из общей семантики инфинитива. Эта тема была продолжена в работах Новейшего времени и наглядно представлена в книге Э. В. Янзиной [Янзина 2017: 67–70; 72–75], развивающей как идеи Э. Черного, так и А. Риксбарона [Rijksbaron 1994: 96 sqq.].

В системе Э. В. Янзиной [Янзина 2017: 67] различаются два вида инфинитива: «декларативный», используемый при глаголах мысли, речи, передачи информации, который передает содержание этой информации, и «динамический» инфинитив, ставящийся при глаголах 1) увещания, стремления, волеизъявления (βούλομαι ‘желаю’, ἐθέλω ‘хочу’, αἰσχύνομαι ‘стыжусь (т. е. не хочу)’, φοβέομαι ‘боюсь (т. е. не хочу)’, κωλύω ‘препятствую, мешаю’, μέλλω ‘собираюсь, намереваюсь, медлю’ и др.), 2) способности (в т. ч. наделения таковой) и разных модальных возможностей (δύναμαι ‘могу’, μανθάνω ‘учусь’, διδάσκω ‘учу, обучаю’, δίκαιός εἰμι ‘справедливо, чтобы я’, δίκαιόν ἐστι ‘справедливо, что (чтобы)’, χρή ‘должно’, ἔξεστι ‘позволено, можно’, ὥρα ἐστι ‘пора (делать что-л.)’ и пр.), а также в некоторых

³ Выделено в первоисточнике.

особых случаях. Динамический инфинитив передает некое отдельное потенциально осуществимое действие. Примечательно, что отрицание при декларативных инфинитивах нормально должно быть οὐ, тогда как при динамических — μή. В книге не объясняется причина этому, но дело тут, как я понимаю, в том, что в одном случае отрицается фактическое содержание чьей-то речи (οὐκ ἔφασαν ἰέναι (7) — «они сказали, что не пойдут»), а в другом — желание или возможность осуществления действия (συμβουλεύω ὑμῖν μή μέλλειν (Dio Cass. Hist. Rom. XLV, 45, 4) — «я советую вам не медлить» [Там же: 69] (8)).

Динамические и декларативные инфинитивы могут иметь различную степень употребительности в той или иной синтаксической системе. Так, например, декларативный инфинитив мало распространен в русском языке, из-за чего все те случаи, где в греческом или латинском стоят асс. *сum inf.*, по-русски требуется оформлять придаточными с финитным глаголом (по-русски невозможны конструкции типа (9) ***Я видел Вас идти*). Однако если инфинитив оказывается динамическим, то асс. *сum inf.* становится совершенно возможным и по-русски: *Он попросил {его прийти}*. В зависимости от референтности глагола этим может быть не только асс. *сum inf.*, но и дательный с инфинитивом (*Врачи посоветовали ему {поехать на юг}*) и другие случаи. Аналогично и в греческом (συμβουλεύω ὑμῖν μή μέλλειν — *dat. сum inf.* (10a); ἐδέοντο αὐτοῦ ἄγειν τὴν στρατιάν (Xen. Hell. V, 4, 35) — «они просили его (им нужно было, чтобы...) вести войско» (10б)).

Именно инфинитивные конструкции с динамическим инфинитивом используются в придаточных предложениях следствия наряду с финитными глаголами; поэтому времена инфинитива ограничиваются презенсом и аористом, а отрицание при инфинитиве μή. Э. В. Янзина [2017: 73] так объясняет выбор между финитным глаголом и инфинитивом: «Придаточное предложение ставится в том случае, если действие и его следствие мыслятся независимыми друг от друга и следствие оказывается важнее действия, а также если подчеркивается фактическое осуществление следствия (т. е. следствие представляет собой исторический факт)... Если действие и его следствие логически взаимосвязаны и одинаково важны, а также если следствие носит предумышленный (намеренный) характер, употребляется инфинитивная конструкция».

В качестве наглядного примера, различающего оба случая, помимо прочих, рассматривается и тот же самый пример (1) из Ксенофонта (II, 2, 17)

(его мы видели у Черного, Соболевского и Славятинской), который трактуется вполне справедливо.

Можем ли мы как-то структурно оптимизировать всю накопившуюся у нас информацию? Мы можем увидеть, что здесь перед нами как бы два разных семантических измерения. С одной стороны, греческому языку важно, имеем ли мы дело с *фактом* действительности (в широком смысле слова) — либо же перед нами лишь *мысль* (намерение, желание, возможность и т. д.) о нем? Факт реальности (нечто, что может быть истинным или ложным) стандартно передается в греческом индикативом и отрицается частицей οὐ. В зависимости от того, мыслится ли следствие неким отдельным фактом реальности или же оно выступает мыслимым продолжением имеющегося факта, греческий язык выбирает стратегию оформления придаточных: это предложение с финитным глаголом в первом случае и инфинитивная клауза (с динамическим инфинитивом) во втором. Примечательно также и то, что инфинитивная клауза почти всегда выбирается при отрицании в главном предложении. Это происходит, по-видимому, потому, что греческое языковое сознание не допускает наличие такого факта действительности, который был бы следствием иного не существующего факта. Уже приводимый выше пример (2): οὐκ ἔχομεν ἀργύριον ᾧστε ἀγοράζειν τὰ ἐπιτήδεια (ср. Хеп. Anab. VII, 3, 5) «у нас нет денег купить провиант» не может быть оформлен через придаточное, так как в этом случае получалось бы, что покупка провианта как факт была следствием отсутствия денег. Но денег нет — и провианта тоже нет.

Это можно проиллюстрировать похожими примерами из русских инфинитивных клауз, обслуживающих сходные — но не совсем тождественные — смыслы.

(11а) *Они дали ему денег, так что ему есть на что купить продукты.* Обычное придаточное, представляющее следствие как некий реальный факт.

(11б) *У него не осталось денег, так что ему теперь не купить продукты.* Следствие, выраженное инфинитивной клаузой, не представляет собой какого-либо факта действительности. Оно существует как бы «в уме» в виде отдельного, но не реального, а только лишь мыслимого с той или иной модальностью (ἐν δυνάμει) события. Так и в нашем первом примере (1): второе следствие представляет собой совершенно реальный факт (неприятели побежали), тогда как первое есть лишь мыслимое последствие

(громкий крик произведен намеренно, так что (чтобы) врагам было (бы) что услышать (и испугаться)).

Вообще, практика разделения факта и не-факта вполне широко представлена в индоевропейских языках. Например, в латинском синтаксисе отсутствием или наличием конъюнктива различаются объективная и субъективная причина, субъективное намерение, вхождение или невхождение придаточного в состав косвенной речи. В готском языке употребление оптатива нередко связывается с семантикой неэвидентного значения глагола (т. е. также не составляющего факта действительности). Есть и другие известные сюжеты.

При этом общим между случаями с полноценным придаточным предложением и клаузой с динамическим инфинитивом оказывается то, что и в том, и в другом случае перед нами предстают как бы два семантических события (вне зависимости от того, мыслимые они или реально-фактические): *я заставил его трудиться* (12а), ἡναγκάζετο ἐργάζεσθαι (12б), *я сделал так, чтобы он трудился* (12в) и т. д. — во всех случаях одно событие заключается в том, что кто-то заставил, а другое — что кто-то будет что-то делать. Распределение между этими случаями можно представить в виде такой таблицы.

	Индикатив	Inf. dynamicus
euentus (событие)	+	+
factum (факт действ.)	+	–

Труднее строго ответить на вопрос, в чем принципиальная разница в представлении событий в финитном предложении и инфинитивной клаузе. Чтобы не вдаваться в эту теоретически сложную проблему здесь, скажем для простоты, что инфинитивная конструкция может рассматриваться как в некотором смысле сокращенный (по Ф. Ф. Зелинскому), неполный или редуцированный вариант финитной клаузы. Подробнее см., например, [Дымарский 2023: 30], где предложение «*Вася попросил Машу приготовить ужин*» рассматривается как *неполная клауза* или как *монопредикативное слияние*. Назовем условно обратное состояние, свойственное финитному предложению, *полнопредикативностью*.

Наконец, вспомним об отсутствующих в русском языке, но широко наличествующих в греческом *декларативных* (или *статических*) инфинитивах, не применяющихся в следственных придаточных, но широко используемых в инфинитивных оборотах при глаголах передачи информации и речемыслительной деятельности (см. тж. примеры (7) и (9)). С одной стороны, отрицание οὐ в них недвусмысленно указывает на передачу некоторого факта действительности; этим такие инфинитивы подобны индикативным предложениям. С другой стороны, такие инфинитивы передают именно содержание [Янзина 2017: 67] речи или мысли, выраженной управляющим глаголом; в этом смысле такой инфинитив не представляет собой отдельного события (и поэтому он может быть охарактеризован как статический). Поэтому в конструкциях типа Ἀλέξανδρος ἔφασκεν εἶναι θεοῦ υἱός — «Александр утверждал, что он является сыном бога» (Зевса-Амона) [Там же: 68] перед нами лишь одно событие (‘Александр заявлял о своем [якобы] божественном происхождении’). Функционально инфинитив в таких случаях часто подчеркивает несвидетельский характер информации, тогда как событийно он несколько напоминает русские отглагольные существительные.

Все три описанных выше случая мы можем наглядно представить в виде такой таблицы, показывающей дополнительное распределение между ними.

	Индикатив	Inf. dynamicus	Inf. declaratiuus
euentus (событие)	+	+	–
factum (факт действ.)	+	–	+
полнопредикативность	+	–	–

Первые две колонки показывают нам структурные сходства и различия использования клауз разных типов в рассматриваемых придаточных; две правые колонки показывают сходства и различия динамических и статических (декларативных) инфинитивов. Третья строка показывает отличие инфинитивных клауз от финитных вне зависимости от свойств инфинитива.

В дальнейших исследованиях представляется необходимым разобрать многочисленные частные и специфические условия перехода одних греческих клауз в другие.

Литература

- Дымарский М. Я. Дативный субъект и предикативность: к типологии инфинитивных групп в русском языке // *Verba. Северо-Западный лингвистический журнал*. 2023. С. 25–37.
- Козаржевский А. Ч. Учебник древнегреческого языка. Москва : ГЛК Ю. А. Шичалина, 2004.
- Мейчен Дж. Г. Учебник греческого языка Нового завета. Москва : Российское библейское общество, 1994.
- Славятинская М. Н. Учебник древнегреческого языка. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Флинта, 2022.
- Соболевский С. И. Древнегреческий язык. Учебник для высших учебных заведений. Москва, 1948¹; Санкт-Петербург, 2000².
- Черный Э. Греческий синтаксис гимназического курса, изложенный сравнительно с русским и латинским. 4-е изд., испр. и доп. Москва, 1888.
- Янзина Э. В. Учебник древнегреческого языка. Ч. I. Основы грамматики. Москва : Р. Валент, 2017.
- Rijksbaron A. *The Syntax and Semantics of the Verb in Classical Greek: An Introduction*. Amsterdam : Gieben, 1994¹. Chicago : The University of Chicago Press, 2006³.

References

- Chernyj, Emil'. *Grecheskij sintaksis gimnazicheskogo kursa, izlozhennyj sravnitel'no s russkim i latinskim*. 4-e izd., ispr. i dop. [Greek syntax of the gymnasium course, presented in comparison with Russian and Latin. 4th ed., corrected and supplemented]. Moscow, 1888.
- Dymarskij M. Ya. [Dative subject and predicativity: towards a typology of infinitive groups in Russian]. *Verba. Severo-Zapadnyj lingvisticheskij zhurnal* [Verba. North-West Linguistic Journal]. 2023, pp. 25–37. (In Russ.)
- Kozarzhevskij, A. Ch. *Uchebnik drevnegrecheskogo yazyka* [Textbook of the ancient Greek language]. Moscow, GLK Yu. A. Shichalina Publ., 2004.

- Machen, G. Gresham. *Uchebnik grecheskogo yazyka Novogo zaveta* [Textbook of the Greek language of the New Testament]. Moscow, Rossijskoe biblejskoe obshchestvo Publ., 1994. (In Russ.)
- Rijksbaron, Albert. *The Syntax and Semantics of the Verb in Classical Greek: An Introduction*. Amsterdam, Gieben, 1994¹; Chicago, The University of Chicago Press, 2006³.
- Slavyatinskaya, M. N. *Uchebnik drevnegrecheskogo yazyka*. 3-e izd., ispr. i dop. [Textbook of the ancient Greek language. 3rd ed., corrected and supplemented]. Moscow, Flinta Publ., 2022.
- Sobolevskij, S. I. *Drevnegrecheskij yazyk. Uchebnik dlya vysshih uchebnyh zavedenij* [Ancient Greek. Textbook for higher educational institutions]. Moscow, 1948¹; St. Petersburg, 2000².
- Yanzina, E. V. *Uchebnik drevnegrecheskogo yazyka. Chast' I. Osnovy grammatiki* [Textbook of the ancient Greek language. Part I. Basics of grammar]. Moscow, R. Valent Publ., 2017.